

УДК 378

С.А. Голубков*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОЛОГА

В статье рассматривается содержание профессионально-педагогической подготовки студентов-филологов. Особое внимание уделяется компетенциям, формируемым литературоведческим источниковедением; педагогическому потенциалу литературоведческой работы.

Ключевые слова: педагогический потенциал, педагогические компетенции, литературоведческое источниковедение, языковая личность.

Обучаясь на филологическом факультете, студент готовит себя ко многим видам последующей практической деятельности, в осуществлении которых будут активно востребованы его познания в области языкознания и литературоведения. Один из таких видов деятельности – деятельность педагогическая, ведь в большинстве своем выпускники-филологи становятся преподавателями-словесниками в средних учебных заведениях, а кто-то поступает в магистратуру и аспирантуру, избирая научно-педагогическую карьеру, будущность университетского ученого и преподавателя. Потребуются специфические педагогические компетенции, владение которыми придаст публичной работе с аудиторией необходимую эффективность. Поэтому уже находясь на студенческой скамье, филолог должен научиться вычленять педагогический потенциал из всего того материала (художественного, научного, вспомогательного, учебного), с которым ему приходится и придется в дальнейшем профессионально работать.

Уже на первом курсе, осваивая дисциплину «Основы филологии», студент знакомится с такой широкой информационной сферой, как *литературоведческое источниковедение*. В каждой гуманитарной науке есть своя специфичная источниковая база, то есть та совокупность конкретных материалов, которая позволяет сделать исследование не голословным отвлеченным рассуждением, а строгой системой аналитических выкладок и доказательств, опирающейся на максимально полный массив фактов. Поэтому первоначально сложившись в границах исторической науки, источниковедение со временем стало фактически общегуманитарной дисциплиной. «В ходе своего становления источниковедение обобщает научно-исследовательский и публикаторский (археографический) опыт, накапливавшийся в процессе работы с литературно-художественными, философскими, правовыми произведениями в классической филологии, философской герменевтике, литературоведении и лингвистике, истории права и других областях знания» [1, с. 20].

Ученый, проведя *историко-литературное* исследование, не может ограничиться только так называемыми каноническими публикациями художественных текстов, помещенными в полных собраниях сочинений писателей и других авторитетных изданиях. Ему потребуется изучение рукописей, сличение вариантов и редакций текста,

* © Голубков С.А., 2015

Голубков Сергей Алексеевич (golubkovsa@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

знакомство с записными книжками, дневниками, автобиографиями, официальными документами, мемуарными свидетельствами, эпистолярным наследием писателя, его личной библиотекой, фото- и видеоматериалами. Тут многое зависит от избранной темы и применяемой исследовательской технологии. Если вооружившись **историко-генетическим** методом, литературовед займется проблемой происхождения художественного текста, эволюцией замысла, скажем, проблемой реконструкции многолетней истории написания знаменитого романа, то без перечисленных источников ему никак не обойтись. Ученый, тяготеющий к **сравнительно-историческим** исследованиям, будет вынужден обратиться к широкой источниковой базе, принадлежащей разным национальным культурам, а порой и разным историческим эпохам.

Рассмотрим это подробнее. Литературовед часто занимается тем, что можно назвать изучением **творческой лаборатории** писателя. В понятие творческой лаборатории входит начальное формирование замысла, первые наброски, варианты черновых планов, сбор материалов, различные выписки, тексты-эскизы и т. п. Все это, как правило, находит свое отражение в записных книжках писателя, в его дневниках, в переписке. Историк литературы может извлечь из записных книжек немало полезной информации, позволяющей проследить весь путь от первоначального творческого импульса до канонического (окончательного) текста. А ведь иногда этот путь «вызревания» произведения занимает не одно десятилетие, включая различные варианты рукописи, различные редакции уже опубликованного.

Записные книжки, в отличие от дневников и пространных писем, содержат краткие записи. Это и лапидарное описание каких-то реальных фактов; и портретные зарисовки будущих персонажей; и услышанные писателем где-то примечательные фразы, которые будут вложены в уста героев; и характерные фамилии, имена, географические названия, названия учреждений; и заметки о прочитанном; и вероятные композиционные схемы обдумываемых произведений. Порой записные книжки приобретают такую историко-литературную значимость, что их публикуют отдельным изданием. Таковы «Записные книжки» А. Блока, изданные специальным томом-приложением к восьмитомному собранию сочинений поэта. Таковы «Записные книжки» И. Ильфа, помогающие установить генезис отдельных остроумных фраз и номинаций, составляющих повествовательную ткань романов И. Ильфа и Е. Петрова «Двадцать стульев» и «Золотой теленок».

Россыпь различных имен и упоминаний, содержащаяся в записных книжках, красноречиво свидетельствует о событиях культурной жизни, о многомерных связях писателя с литературной средой, с читательской аудиторией, с институтами власти, что также важно учитывать историку литературы при составлении достоверной научной биографии писателя.

Каков педагогический потенциал литературоведческой работы с записными книжками писателя? Разумеется, все дело в том, что эти записи **личностны**. Их информативная значимость двояка: с одной стороны, они объясняют какие-то стороны изучаемого художественного произведения, а с другой — добавляют весьма важные детали к портрету самого писателя, выявляют его систему ценностных координат, имеющих идеологическое, эстетическое, этическое наполнение. Писатель в таком случае выступает как **модель духовно содержательной личности**, как некий образец бескомпромиссной позиции (или, напротив, увы, компромиссной, рептильной и т. д.), индивидуального творческого поведения. Изучение записных книжек может, таким образом, преподнести исследователю **двойной урок**: 1) пополнение историко-литературной информации; 2) расширение его этического кругозора. Читатель неизбежно примеряет содержание записных книжек на себя, соотносит со своим жизненным опытом. Такая активность восприятия историко-литературного материала способствует **перераста-**

нию простого знания в более сложную компетенцию психологического взаимодействия с другим человеком, с ученической аудиторией.

Аналогична ситуация и с **писательскими путевыми записками** как историко-литературным источником. Будет ли литературовед профессионально изучать географические карты, путеводители, железнодорожные расписания, маршруты океанских сообщений? Конечно, будет и захочет, если пойдет речь о профессионально необходимых поездках того или иного писателя, и у историка литературы возникнет насущная необходимость детально восстановить хронологию такого путешествия, всю фактологию состоявшихся там писательских контактов, встреч. Такое целевое многоаспектное изучение позволяет создать серьезную источниковую базу для последующего скрупулезного комментирования созданных писателями как специфических «книг-путешествий», так и других произведений, отразивших опыт авторских странствий.

Мы знаем, как бессарабский, крымский и кавказский опыт многое определил в тематических приоритетах А.С. Пушкина. Знаем, что реальные кавказские картины оживали под пером М.Ю. Лермонтова. Помним, что И.А. Гончаров совершил кругосветное путешествие и оставил книгу «Фрегат «Паллада». А скитания «по Руси» молодого М. Горького подсказали ему большое количество ярких фабул и созданных самой жизнью человеческих типов. Зарубежные впечатления И.А. Бунина, приобретенные им в поездках 1910-х годов, нашли выразительное отражение в его прозе. Без творческих командировок А.П. Платонова в Среднюю Азию, предпринятых в 1930-е годы, были бы невозможны такие повести и рассказы, как «Такыр», «Джан», «Песчаная учительница». Этот ряд напоминаний можно продолжать и продолжать...

В своих коротких поездках и продолжительных путешествиях писатели занимались планомерным экстенсивным изучением жизни, пристально всматривались в окружающий мир, вступали в **содержательный диалог с инонациональными культурами**. Чтобы понять творческую историю книг, основанных на таком материале, историк литературы должен привлекать и свои географические, этнографические, мифологические познания, обращаться к эпистолярному наследию писателей, к материалам их записных книжек и дневников. А в педагогическом плане тут важна проблема **формирования толерантности**, уважительного отношения к инонациональному культурному опыту. Путевые записки дадут читателю богатый материал для размышлений.

Кстати, тут мы можем столкнуться и с некоторыми **парадоксами духовного становления или трансформации творческой личности**. Так случается, иной писатель отправится в поисках оригинальной и экзотической темы, в поисках самого себя настоящего в далекую поездку, а обретет свое подлинное творческое лицо, когда обратится ко вполне «домашнему» материалу. Подобное случилось с Юрием Трифоновым, создавшим в конце 1950-х годов нашумевший роман «Утоление жажды» о строительстве далекого туркменского канала, но все-таки достигшим подлинных художественных высот в московских «городских повестях» к 1970-м годам. Автор-москвич увидел бездну интересного в той повседневной жизни, что протекала совсем рядом, что называется, на расстоянии вытянутой руки.

К сфере педагогических компетенций относится и задача формирования человека как богатой **языковой личности**. Таковую личность, как огромный дом, надо строить всю жизнь, каждодневно, по слову-кирпичику. Специфика филологической деятельности такова, что она требует особой скрупулезности и неторопливости. Нельзя нарушать логику последовательного развертывания во времени триады сознания (от мироощущения к миропониманию и далее к мироотношению). Анализируя словесную конструкцию, препарировав тот или иной текст, филолог должен сначала полноценно **ощутить**, прочувствовать слово, затем его **понять** во всем его семантическом объеме, а уже потом превратить его в свое **отношение-действие**, в слагаемое своей речевой практики, в инструмент своей деятельности.

Любой исследователь в своей ежедневной деятельности прибегает к помощи самых различных словарей. Это и словари иностранных слов, и терминологические справочники, и двуязычные словари (англо-русский, немецко-русский, испано-русский и т. д.). У филолога помимо сугубо лингвистических специализированных словарей (этимологического, грамматического, словообразовательного, фразеологического, орфоэпического; словарей синонимов, антонимов, омонимов, сокращений и др.), всегда находятся на столе и специфические литературоведческие словари. К ним можно отнести и «Словарь литературоведческих терминов», и «Словарь литературных героев», и «Словарь псевдонимов», и биографические словари, и «Словарь литературных цитат». Без обращения к ним порой невозможно решить даже самые простые исследовательские задачи.

Продемонстрирую это на частном примере из своей практической научно-исследовательской деятельности. В 1970-е годы я готовил кандидатскую диссертацию на тему «Комическое в ранней прозе А.Н. Толстого». Штудировав работы исследователей о русской литературе начала XX века, я наткнулся при чтении монографии Л.А. Спиридоновой-Евстигнеевой «Русская сатирическая литература начала XX века» [2] на любопытное упоминание о сотрудничестве А.Н. Толстого с редакцией журнала «Сатирикон». Меня эта информация заинтересовала, поскольку в трудах толстоведов об этом подробно ничего не было сказано. Пришлось попытаться самому просмотреть все номера данного популярного сатирико-юмористического еженедельника, выходившего в 1908–1918 годах. Полный комплект всех номеров журнала можно было получить только в ленинградской Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, что вполне объяснимо — до 1917 года в Петербург как столицу Российской империи по запросам Цензорного комитета поступал обязательный экземпляр каждого номера российского периодического издания. Однако получить для ознакомления эти журнальные тетради было еще половиной дела. Реальные сложности возникли уже при детальном ознакомлении с «сатириконскими» материалами. Как найти публикации А.Н. Толстого, когда фактически каждый автор номера прятался за причудливым псевдонимом? Вот тут-то и пригодился фундаментальный «Словарь псевдонимов», составленный историком и библиографом Иваном Филипповичем Масановым и изданный в четырех томах в 1956–1960 годах. Со словарем в руках приходилось последовательно расшифровывать псевдонимы «сатириконцев», а таких псевдонимов были десятки у одного только редактора журнала Аркадия Тимофеевича Аверченко. Больше месяца я обследовал журнал — номер за номером. Увы, в итоге мой «улов» был невелик — всего две сказки А.Н. Толстого. Одну из них достаточно известную («Козел») писатель впоследствии включал в свои собрания сочинений, и она давно введена в научный оборот, а о другой — менее известной («Извозчик») — я написал небольшое сообщение [3]. Однако несмотря на затраты времени и на полученный незначительный результат, детальное знакомство с журналом обогащало еще и в общекультурном плане, было необходимо для формирования багажа вузовского преподавателя. Примеры, подобные приведенному, свидетельствуют: филология требует от человека, ею занимающегося, большого терпения и усидчивости. Факты не лежат на поверхности, их еще надо обнаружить.

Да и при осмыслении самого художественного текста нельзя довольствоваться лишь одним семантическим «срезом», ведь за внешним смысловым слоем могут таиться многие слои скрытых, глубинных значений, десятки еще не выявленных культурных отсылок, интертекстуальных соотношений. Так изучение сложной поэтической метафоры или иронических и пародийных текстов показывает, сколько «подводных рифов» нужно обойти, чтобы пробиться к сути художественной концепции, не лежащей на какой-то «отдельной полочке», а органично растворенной во всем образном Целом произведения.

Изучение *эпистолярия*, в частности, переписки художника слова со своими читателями, тоже имеет свою педагогическую сторону, ибо демонстрирует необходимость установления продуктивного *диалога* автора с реальными реципиентами его произведений. Диалог – это большой труд и искусство одновременно, ведь умение слушать и слышать Другого приобретаются не сразу, далеко не сразу устанавливается верная интонация доверительного общения. В таком диалоге велика опасность инфляции слов, когда писатель отделяется необязательными фразами, уходя от ответственности произнесенного и написанного слова. Подобные раздумья по поводу эпистолярного наследия писателя весьма позитивны для филолога, ведь они показывают во всей сложности процесс духовного становления человека как многомерной языковой личности, процесс его активного включения в социокультурные связи.

Библиографический список

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский [и др.]. М.: Российск. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.
2. Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. 304 с.
3. Голубков С.А. А.Н. Толстой в «Сатириконе» // Художественный мир А.Н. Толстого: Статьи. Сообщения. Библиографический указатель литературы / ред.-сост. В.П. Скобелев. Куйбышев: Кн. изд-во, 1983. С. 173–180.

References

1. Danilevsky I.N. [et. al.]. Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history: schoolbook. M., Rossijsk. gumanit. un-t, 1998, 702 p. [in Russian].
2. Spiridonova (Evstigneeva) L.A. Russian satirical literature of the beginning of the XX century. M., Nauka, 1977, 304 p. [in Russian].
3. Golubkov S.A. A.N. Tolstoy in «Satirikon» in *Artistic world of A.N. Tolstoy: Articles. Messages. Bibliographical reference of literature*. Editor-complier V.P. Skobelev. Kuibyshev, Kn. izd-vo, 1983, pp. 173–180 [in Russian].

*S.A. Golubkov**

PEDAGOGIC POTENTIAL OF SOURCE STUDIES ACTIVITY OF A PHILOLOGIST

In the article the content of professional and pedagogic training of students-philologists is viewed. Peculiar attention is paid to the competencies formed by literary source studies, pedagogic potential of literary works.

Key words: pedagogic potential, pedagogic competencies, literary source studies, linguistic identity.

Статья поступила в редакцию 11/VI/2015.
The article received 11/VI/2015.

* *Golubkov Sergey Alexeevich* (golubkovsa@yandex.ru), Department of Russian and Foreign Literature, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.